

Прекрасно выполнены фотографические работы. Художественный вкус фотографа В. Стукалова, умение показать красоту вещи, найти для нее соответствующий фон, заслуживают самой высокой похвалы. Великолепно показаны такие вещи, как японские кинжалы в ножнах (№№ 109—112), китайская ширма XVIII в. (№№ 106—108), жреческая книга батаков (№№ 81—83), батакский амулет — пять пластинок из ребра буйвола (№№ 77, 78). Я особо отмечаю эти вещи, так как здесь точность изображения предмета максимальна: мы видим не только вещь в целом, но и ее детали в нарастающем приближении. Этот прием представляется исключительно удачным. Очень искусно найдены ракуры, в которых даны эскимосские и индейские маски (№№ 7, 8, 20), африканские деревянные фигурки (№№ 42, 44, 45) в сочетании с прекрасно подобранным фоном (иногда он в той же цветовой гамме, что и предмет, иногда контрастирует с ней). Это делает изображение предельно выразительным. Во всех случаях великолепно передана фактура материалов: мех, на котором лежит костяная трубка (№ 4), перламутровые вставки деревянной маски (№№ 16—18), лоснящийся от жира деревянный сосуд (№ 28), корневое плетение шляпы (№ 29), холодный блеск металла (№№ 71—73), мягкое свечение фарфора (№ 99), матовая прозрачность нефрита (№ 101). Никогда прежде не была так четко воспроизведена деревянная дощечка с письменами острова Пасхи — один из самых уникальных предметов собрания МАЭ.

Можно было бы сказать еще много добрых и восторженных слов о каждой фотографии.

Несколько замечаний. Название книги не совсем соответствует ее содержанию. Книга — о коллекциях музея, но не о самом музее, так как в ней даже нет ни одного изображения музейного интерьера. К сожалению, отсутствуют уникальные коллекции по Тибету, совсем не представлены вьетнамские и тайландские коллекции, материалы по Ближнему и Среднему Востоку.

Неудачен текст на футляре книги. Так, из собирателей коллекций названы только И. Ф. Крузенштерн и Н. Н. Миклухо-Маклай, хотя первый из них вряд ли принадлежит к числу крупнейших (это, кстати, следует и из текста книги); между тем, не названы многие другие, например, И. Г. Вознесенский, П. С. Паллас, Г. Г. Лангсдорф. Неточно сказано на футляре о специфике экспозиций МАЭ и основном содержании альбома. Из технических недостатков отмечу затемнение фона на некоторых снимках.

Однако недочеты, которые естественны в каждой большой, впервые предпринимаемой работе, не снижают и не могут снизить самой высокой оценки прекрасной книги о МАЭ, выпущенной издательством «Аврора».

Следует также приветствовать инициативу авторов альбома и пожелать им продолжить успешно начатое дело художественной публикации коллекций музея.

А. М. Решетов

Р. С. Васильевский. Древние культуры тихоокеанского севера. Новосибирск. 1973. 267 стр.

В последнее время древние культуры северной части Тихого океана привлекают большое внимание археологов и этнографов. Без углубленного изучения этих культур нельзя понять не только этническую историю обширных районов Азии и Америки, но и решить проблему заселения американского континента. Поэтому не удивительно, что и на азиатских, и на американских берегах северной части Тихого океана ведутся многочисленные археологические раскопки. Появился и ряд обобщающих работ, но по большей части в них анализируются раскопки только с азиатской или только с американской стороны Тихого океана. Поэтому нам представляется столь своевременным появление монографии Р. С. Васильевского, в которой почти с равной степенью детализации рассматриваются и сопоставляются древние культуры Алеутских островов, Камчатки, Курильских островов и Сахалина и прослеживаются параллели с культурами внутренних областей Азии, Америки и Японии. При этом исследование Р. С. Васильевского основано не только на литературных источниках и археологических коллекциях, но и на собственных полевых работах автора на Охотском побережье, Амуре и Сахалине.

Глава I рецензируемой книги посвящена Алеутским островам, в ней анализируются материалы стоянки Анангула на одноименном острове, многослойного поселения Чалука на о. Умнак, дается обзор других археологических находок на Алеутских островах и рассматривается вопрос о месте алеутской культуры в древней истории Тихоокеанского севера.

Стоянка Анангула по результатам радиоуглеродных датировок имеет возраст 8000—10 000 лет и является древнейшим из ныне известных поселением человека на Алеутских островах.

Затем автор прослеживает преемственность между культурами обитателей Анангулы, палеоалеутского поселения Чалука и алеутских селений нового времени и присоединяется к выводу В. Лафлина и некоторых других исследователей об отсутствии в алеутской культуре за тысячелетия ее развития резких и коренных перемен. Сравни-

вая древние стоянки алеутов на различных островах архипелага, автор делает также вывод, что на всем протяжении Алеутских островов в образе жизни населения не было принципиальных различий. Особенно интересен в этой главе тщательно проведенный анализ параллелей между индустрией Анангулы и каменным инвентарем различных азиатских стоянок. В частности, автор отмечает близость орудий из Анангулы и орудий из V—VI слоев исследованной Н. Н. Диковым Ушковской стоянки на Камчатке. Все параллели, которые проводит Р. С. Васильевский между находками на Алеутских островах и находками в разных районах Азии, нам кажутся хорошо обоснованными. В то же время при сравнении индустрии Анангулы с различными американскими индустриями автор, как нам кажется, фиксирует свое внимание преимущественно на различиях между ними и не обращает равного внимания на отмеченные рядом исследователей значительные элементы сходства между Анангулой и различными микроиндустриями Аляски, например Денби. Так, автор не касается концепции Г. Банди, согласно которой северо-западная традиция микролезвий и арктическая традиция малых орудий составляют в сущности одну индустрию (*эпиграветтиен*, по терминологии Банди). Сюда же Банди относит и Анангулу¹. Не рассматриваются в рецензируемой книге и взгляды, высказанные Д. Дюмондом в одной из его статей, согласно которым каменный инвентарь Анангулы и Денби не так сильно различается, как это иногда представляется, и Анангула может рассматриваться как генетическая предшественница Денби, т. е., иными словами, обитатели Анангулы, с точки зрения Дюмонда, являются предками или одними из предков эскимосов². Со взглядами Дюмонда хорошо согласуются и данные лингвистики о родстве эскимосского и алеутского языков и о предположительном времени их разделения. Поэтому нам представляется, что без разбора аргументации Дюмонда и его единомышленников вывод Р. С. Васильевского об отсутствии соответствий между древнеалеутскими индустриями Анангулы и Чалуки и исходной для собственно эскимосских культур арктической традиции малых орудий нельзя считать окончательным. Тем самым, на наш взгляд, пока остается открытым вопрос о времени разделения культур, ведущих к эскимосам и алеутам. Может быть, это произошло, как полагает Р. С. Васильевский, более 10 тыс. лет назад, еще в Азии, а может быть, значительно позднее — на Алеутских островах и юго-западе Аляски. Нам же кажется, что истина лежит где-то посередине и что это разделение могло произойти в период существования берингоморского моста в результате взаимодействия древнейших эско-алеутов, занимавших южную прибрежную часть моста, с более поздними переселенцами, проходившими через внутренние районы моста и занимавшимися охотой на сухопутных животных. Но кто бы ни оказался прав, в любом случае проведенный Р. С. Васильевским анализ параллелей между древними культурами Американского севера и Азии много дает для познания конкретных истоков алеутской и эскимосской культуры.

Глава II рецензируемой монографии посвящена археологическим культурам Камчатки, развитие и внешние связи которых прослеживаются автором начиная с верхнего палеолита и кончая поздним пережиточным неолитом. В этой главе развивается, в частности, мысль о том, что в верхнем палеолите Северная Япония, Камчатка, Алеутские острова и Приморье составляли одну культурную область — рыболовов, собирателей и охотников на небольших животных. Интересны также соображения автора о возникновении в пережиточном неолите корякско-чукотской этнической общности, а также по многим более частным вопросам.

В главе III о древних культурах Курильских островов и Сахалина большое место уделяется характеристике охотской культуры и ее связей с культурами Камчатки, Алеутских островов, Японии, Приамурья и Приморья. Очень перспективна, на наш взгляд, хорошо обоснованная Р. С. Васильевским идея о том, что археологическая охотская культура соответствует древненивхской этнической общности. Одновременно автор сближает охотскую культуру, а тем самым и древненивхский этнос с древнекорякской и алеутской культурами, но не с эскимосской.

В заключении к книге автор четко формулирует утверждение, что близкие между собой охотская, древнекорякская и алеутская культуры значительно отличаются от эскимосской, формировавшейся и развивавшейся иным путем, прежде всего в результате скрещения палеоиндейских культур и культурных традиций более поздних переселенцев из Северо-Восточной Азии. Основным центром формирования эскимосских культур автор считает юго-запад Аляски. На север, к Берингову проливу, эти культуры, по его мнению, распространились позднее, на стадии окви.

Таким образом, мы видим, что в рецензируемой монографии есть некоторые дискуссионные положения, и это одно из ее достоинств. Поэтому рецензируемая монография не только вносит значительный вклад в изучение формирования и связей древних культур тихоокеанского севера, но и вызовет полезную дискуссию по еще не решенным проблемам.

Л. А. Файнберг

¹ H. B and i, Eskimo prehistory, College (Alaska), 1969, p. 176—177.

² D. E. Dumond, On Eskaleutian Linguistics, Archaeology and Prehistory, «American Anthropologist», vol. 67, № 5, pt 1, 1965, p. 1250—1251.